

Изучая протоколы допросов Оттилингер, историк выяснил, какую информацию во время следствия сотрудники советских спецслужб пытались получить от нее, кого из окружения задержанной они подозревали в связях с американской разведкой. Наиболее интересными в этой части исследования являются данные об экономическом положении Австрии, которые приводятся в оценках Оттилингер (с. 19, 32–38).

Ш. Карнер пишет, как реагировала австрийская пресса на задержание Оттилингер, упоминает об официальных «протестах» в ООН о нарушении прав человека и унижении человеческого достоинства, приводит статистические данные по количеству австрийцев, подвергшихся в послевоенные годы репрессиям со стороны советских спецслужб на оккупированной территории Австрии (с. 24–26).

Решением Особого совещания при МГБ СССР от 11 апреля 1949 г. Оттилингер была приговорена к пребыванию в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) сроком на 25 лет. Она обвинялась в сотрудничестве с американской разведкой и проведении шпионской работы против СССР, а также в содействии к бегству в Австрию советского инженера А.И. Диденко.

В главах «В ГУЛАГ на 25 лет», «Лагерь ГУЛАГа в Потьме», «Заключение в Москве. Лубянка и Бутырка», «Снова по этапу: в Потьму и на Лубянку», «В третий раз в Потьму» историк рассматривает условия содержания Оттилингер в заключении.

В главе «Из ГУЛАГа во Владимирский политизолятор» рассказывается, что в 1952 г. срок наказания Оттилингер был уменьшен до 10 лет, она была переведена из ИТЛ в тюрьму в г. Владимире. В 1953 г. в Советском Союзе были освобождены из заключения 630 граждан Австрии. Руководство Австрии и семья Оттилингер пытались найти Маргарет и вернуть ее домой (с. 69–74); однако она оставалась в ГУЛАГе, где боролась за улучшение режима своего содержания. Лишь после подписания СССР и Австрией в 1955 г. государственного договора тяжелобольная Оттилингер была освобождена и смогла вернуться на родину.

Необоснованные обвинения были сняты только в 1994 г. а Оттилингер – реабилитирована. Спустя более 40 лет после освобождения было установлено, что она не передавала американцам сведений, составлявших советскую государственную тайну, не нанесла никакого ущерба СССР и его

безопасности, ее действия не содержали состава преступления. Лаконичные формулировки прокуратуры («репрессирована внесудебным органом необоснованно, по политическим мотивам») не могут в полной мере передать личную трагедию молодой женщины, вынужденной провести 7 лет в чужой стране в тюрьмах и лагерях.

Среди историков, политологов и философов существуют различные точки зрения на роль личности в истории. Однако зачастую роль истории в судьбе личности рассматривается как нечто само собой разумеющееся. А ведь именно исторические события того времени послужили причиной репрессий, жертвами которых стало много невиновных людей. Оттилингер была одной из жертв геополитического противостояния двух систем – капиталистической и социалистической. Хотя Австрия, в отличие от Германии, не была расколота на два государства, оккупационные войска относительно быстро (в 1955 г.) покинули ее территорию, а страна получила независимость – ничто не могло изменить искалеченные судьбы людей и вернуть тысячам австрийских граждан годы, безвинно проведенные ими в советских лагерях и тюрьмах.

Книга Ш. Карнера поможет читателю разобраться в вопросе применения советскими государственными органами репрессий как инструмента геополитической борьбы, расширит представления о непростых аспектах советско-австрийских отношений. Издание содержит фотографии, факсимиле документов; оно снабжено именным указателем и комментариями. Следует отметить большую работу по введению в научный оборот материалов из архивного уголовного дела Оттилингер, их переводу на немецкий язык.

Исследование Ш. Карнера и его коллег выполнено на высоком научном уровне, в нем показана не только трагическая судьба Оттилингер, но и трагедия сталинских репрессий, искалечившая судьбы миллионов людей как в Советском Союзе, так и в ряде иностранных государств. Книгу будет полезно прочитать политикам, политологам, историкам и всем, кто интересуется историей Австрии и России XX в.

В.С. Христофоров,
член-корреспондент РАН,
профессор РГГУ,
главный научный сотрудник
ИРИ РАН

П.М. Полян. ИСТОРИОМОР, ИЛИ ТРЕПАНАЦИЯ ПАМЯТИ. БИТВЫ ЗА ПРАВДУ О ГУЛАГЕ, ДЕПОРТАЦИЯХ, ВОЙНЕ И ХОЛОКОСТЕ. М.: АСТ, 2016, 624 с.

Ведущий научный сотрудник Института географии РАН и многолетний сотрудник Фрайбургского университета (ФРГ), профессор Северо-Кавказского федерального университета в Ставрополе, д. геогр. н. П.М. Полян — человек многих талантов: географ (темой его докторской диссертации, защищенной в 1998 г., была «География принудительных миграций в СССР»), историк, поэт и литературовед, председатель Мандельштамовского общества.

В центре творчества П.М. Поляна-историка много лет находятся проблемы жертв двух диктатур, военного плена, депортаций и Холокоста¹. В новой его книге собраны работы по «исторической памяти» — о соотношении памяти и беспамьяства, политики и истории, того, что называется «преодолением прошлого». Эта проблематика не перестает быть актуальной; ей посвящены работы российских историков, в частности А.И. Борозняка².

Для обозначения процессов, определяющих «преодоление прошлого» и состояние «исторической памяти» в современной России, П.М. Полян использует новый термин: «историомор». Этот неологизм (производное от «Голодомор») и одновременно метафора

обозначает «триумфальное торжество политики, пропаганды и антиисторизма (беспамьяства) над собственно историей, памятью и правдой» (с. 21).

П.М. Полян считает, что в советское время проблема политизации науки была не так остра, как сегодня. «Одной “Старой площади” — то есть аппарата ЦК КПСС с его отделами и подотделами — было совершенно достаточно для поддержания в форме идеологического фронта и пропагандистского противостояния внешним и внутренним врагам. Все необходимые “инструменты” были буквально под боком, через дорогу: как то КГБ (“Лубянка”) или Всесоюзное общество “Знание”» (с. 22).

В условиях выборной демократии такая модель руководства не срабатывает. «Отчасти поэтому постепенно в Восточной Европе — в Словакии, Польше, на Украине — выработалась модель Института национальной памяти. Очень скоро оказалось, что такие институты трансформировались в классические оруэлловские “Министерства Правды”. Злоупотребления чувствительной архивной информацией, оказавшейся в их распоряжении, обусловлены поручениями и приказами, целесообразными с точки зрения находящихся у власти заказчиков, ибо они серьезно влияли на внутривнутриполитические процессы (“утечки” о сотрудничестве с органами своих политических оппонентов, например). Несколько неожиданным следствием этого в той же Польше оказались непомерные затруднения читателям в доступе к архивам Института, поглотившего многие ранее уже широко доступные архивные фонды» (с. 22–23).

«Историомор», разумеется, не только российское явление. Автор вспоминает реакцию японского издательства, выпустившего его книгу об оstarбайтерах и военнопленных. «На предложение написать для японского читателя небольшое предисловие издательство с радостью согласилось, а когда прочло — то решительно отказалось: чур, чур меня!.. В предисловии речь зашла о депортациях корейцев и китайцев и об их эксплуатации в годы японской оккупации, но, как оказалось, в Японии, сдавшей на одни пятерки чуть ли не все американские курсы демократии, разговор о японских военных преступлениях все еще был не комильфо» (с. 23).

П.М. Полян отмечает, что «едва ли не единственным устойчивым примером противоположного государственного отношения к своему

¹ Полян П.М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; *его же*. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на Родине. М., 2002; *его же*. Между Аушвицем и Бабьим Яром. Размышления и исследования о Катастрофе. М., 2010; *его же*. Свитки из пепла. Жертвы и палачи Освенцима. М., 2015; Обреченные погибнуть (сост. П.М. Полян, А. Шнеер). М., 2006; Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем. Дебаты о демографии и геополитике Холокоста (сост. П.М. Полян, А.Р. Кох). М., 2008; Rotarmisten in deutscher Hand. Dokumente zu Gefangenschaft, Repatriierung und Rehabilitierung sowjetischer Soldaten des Zweiten Weltkrieges. Hrsg. R. Overmans, A. Hilger, P. Polian. Padeborn — München — Wien — Zürich, 2012.

² Борозняк А.И. ФРГ: опыт становления антитоталитарного согласия: проблема «преодоления прошлого». М., 1999; *его же*. Прошлое, которое не уходит. Екатеринбург, 2004; *его же*. Жестокая память: нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М., 2014.

прошлому является Германия — первая в мировой истории страна, сумевшая принять на себя ответственность за случившееся. Никто в мире до этого ничего подобного не делал и, главное, не испытывал желания делать. Но и в Германии многие десятилетия ушли на избавление от реликтов национал-социалистического мировоззрения и даже законодательства, а официальное признание элементарного и очевидного факта (советские военнопленные — не военнопленные в смысле Женевской конвенции, а специфическая и непризнанная категория жертв) состоялось только в мае 2015 года» (с. 23–24).

«Историомор» многолик, и к одному только государственному насилию или заказу не сводится. «Корпоративный или даже индивидуальный исторический фальсификат, как и его преподавание в школах и вузах, — тоже соответствует этому термину, как и искреннее нежелание многих, особенно молодежи, знать правду. Конфликты исторической памяти возможны и неизбежны не только в пределах одной семьи, но и в пределах одной личности» (с. 24).

Автор утверждает, что тематика «историомора» необъятна; книга не претендует на ее полное отражение. Но на заострение внимания к некоторым из проблемных узлов, автору, в силу его научных интересов, хорошо известных, — претендует.

Монографию, помимо введения и заключения, составили четыре раздела. Первый — «Память о ГУЛАГе и депортациях» — объединил статьи и заметки о советских репрессиях и преступлениях, а также о соответствующей советско-российской исторической памяти и историографии.

Второй — «Память о войне» — посвящен немецким преступлениям во Второй мировой войне и тому, как они преломляются в советской историографии.

Третий — «Рыцари памяти» — посвящен отдельным личностям (хронистам, писателям, журналистам) и институциям (музеям), с которыми автора сводила жизнь или работа и чей вклад в сохранение исторической памяти представляется достойным и значительным.

Наконец, четвертый раздел — «Агенты беспамьяства» — посвящен отрицанию и отрицателям Холокоста как одной из самых распространенных форм «историомора» (зарисовки иных «агентов беспамьяства» встречаются в других разделах книги). В этом же разделе и обоснование идеи Исторического арбитража как возможного механизма для разрешения научных споров, а на основе разрешения научных споров — и политических тяжб.

Работы, положенные в основу книги, писались в разное время: все они заново пересмотрены и переосмыслены. В ряде случаев эмпирика

актуализирована, а в некоторых в текст добавлены «постскриптумы» — авторские пояснения из сегодняшнего дня.

Автор подчеркивает, что «сегодня мы переживаем глобальный кризис гуманизма и толерантности... Кризис наступил благодаря безоговорочной победе постмодернизма. В результате все пострадавшие за тысячелетия гуманистические ценности или исчезли, или деградировали, ушли на задворки сознания или в глубь себя, став лишь одной из многих якобы “равноправных” огненные линий поведения. На этом постмодернистском фоне человеку с отравленными понятиями может казаться, что по отношению к отрицателям (Холокоста. — Б.Х.) совершается несправедливость. В таком случае Исторический арбитраж — это, отчасти, еще и попытка борьбы с релятивизмом в истории.

В свое время гуманизм отчасти даже подпитывался религией (у христианства тут больше всего заслуг), а теперь даже буддисты (например, в Бирме) не гнушаются преследовать и обижать мусульманское меньшинство. Обнаружилось, что демократия нужна не всем, но прежде всего меньшинствам и то лишь до тех пор, пока они меньшинства: став большинством (как, например, в Косово) меньшинство, как правило, норовит показать вчерашнему большинству, где раки зимуют и как правильно носить паранджу или георгиевскую ленточку.

В результате отмирают и диалог культур, и культура диалога, а им на смену приходит какофония монологов и бескультурия, блистательно “культивируемая” нынешним телевидением. Лихачеву, Лотману, Померанцу или Аверинцеву в нынешних “прайм-ток-шоуз”, принципиально хамских по своей природе, не дали бы и рта раскрыть» (с. 591–592).

«Историомор» — это «универсальный феномен неравной борьбы истории с политикой, когда политика рвется оседлать, стреножить, инструментализировать историю, придав ей доверительный статус продажной, но понятливой куртизанки (а если будет вякать — разговор и статус будет другой: изнасилованной). Беда в том, что политика обязательно хочет скрутить историю в бараний рог и как-то ею... попользоваться. Сегодня — так, а завтра, не замечая того, что было вчера, по-другому. Вот, например, тема Холокоста была табу, но, как только мы стали бороться с нынешними украинскими националистами, вдруг стало евреев жалко и интересно с ними дружить. “Благодаря” тому, что фашисты еще и евреев обижали, последние неожиданно стали нечаянными “союзниками” таких мифотворцев. Это создает такие непредсказуемые и в чем-то сюрреалистические комбинации

как – во времена Ющенко – навязывание Украине единого закона о том, что как нельзя отрицать Холокост, так и Голодомор нельзя. С точки зрения истории – это вещи весьма далекие, но политикам это стало вдруг интересно, ибо могло бы помочь Голодомору приобрести искомый статус – статус геноцида, которого у него нет... Попытки подверстать к Холокосту иные типы трагедий или репрессий отражают внутривнутриполитическую ситуацию самих этих стран и ставят законодательство об отрицателях Холокоста в зависимость от развития этой ситуации и от других приводящих обстоятельств» (с. 592).

Битвы за правду о ГУЛАГе, депортациях, войне и Холокосте еще не выиграны; они продолжаются. П.М. Полян уверен, что «со временем, стратегически, – то есть по мере введения в оборот и верификации все большего числа первичных источников, – “победа” все равно останется за историей, а не за политикой, но чем шире открыты архивы – тем раньше это произойдет» (с. 21). В итоге процесс «преодоления прошлого» сможет остановить

разворачивающийся «историомор». Однако в каждый конкретный момент времени торжествует, увы, именно политика, определяющая ориентиры и рамки для работы ангажированных ею «карманных» историков и создающая рогатки для работы историков независимых и несервильных.

«Не знаю, – завершает свою книгу П.М. Полян, – каково сейчас быть в “шкуре” молодого историка, только входящего в свою науку и свою карьеру. Я уже давно тружусь в российском архивном ландшафте и вижу, как постепенно сужаются и круг архивов, которым интересно поддерживать независимые исторические исследования, и круг издательств, которым интересно их публиковать. Что же будем как-то и это преодолевать» (с. 594).

Б.Л. Хавкин,
доктор исторических наук,
профессор ИАИ РГГУ

С.Н. Погодин. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (конец XIX – начало XX века). СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2017, 630 с.

Одной из традиций отечественной историографии всегда было создание обобщающих трудов. Такие работы ставят целью рассмотрение развития русской исторической науки как в целом, так и исследований, посвященных конкретным историкам, направлениям и школам в науке. Именно в таком ключе и представлена рецензируемая монография зав. кафедрой Института международных образовательных программ СПбГПУ д.и.н., проф. С.Н. Погодина.

Историографический обзор содержит не только библиографию и перечисление работ историков, но и их анализ, критический разбор литературы. При этом рассмотрены различные исторические труды и концепции, а также объяснено, почему в разные периоды творчества того или иного историка господствовали именно такие теории и идеи. На основе анализа историографических трудов историков можно проследить формирование мировоззрения ученого.

Монография С.Н. Погодина – это обобщающая работа, своеобразное подведение итогов длительного научного исследования отечественной историографии автором. В нее вошли опубликованные ранее за последние 20 лет работы. Книга состоит из глав «Огюст

Конт и “Русская школа” историков», «Дмитрий Иванович Каченовский», «Владимир Иванович Герье», «Александр Дмитриевич Градовский», «Иван Васильевич Лучицкий», «Николай Иванович Кареев», «Максим Максимович Ковалевский», «Павел Гаврилович Виноградов», «Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский».

Главы написаны как очерки и носят биографический характер. Биография историка отражает его жизненный путь, мировоззрение, методы научного исследования, приемы изучения историографического материала. Все это и создает основу для историографического анализа.

Выбор персонажей в монографии не случаен, всех их во многом объединяет ряд характерных черт. Все они были университетскими профессорами в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Варшаве, Харькове. Они никогда не были «кабинетными историками», они всегда были в центре современных им событий. Принимали по мере возможности активное участие в общественной жизни университета, города, страны. Они не воспринимали науку в чистом виде, в отрыве от действительности.

По образованию не все персонажи монографии были историками. Д.И. Каченовский, А.Д. Градовский, М.М. Ковалевский были